

ческий агнец, как и все, — хлебающий марковсы шн из общего котла.

В первом и во втором случае, Казачество — постольку, поскольку. В третьем — вообще и нет никакого Казачества.

Казачество, как политический фактор, которое может сметь свое суждение иметь... Нет, таким „признанием“ не удостоила нас ни одна из русских политических партий, ни один вождь, обещающий казакам в „этом“ году — барина. Не учитывается и то, что Казачество может и не хотеть никакого барина. А само пощет путей на родину. Само найдет средства передвижения. И в своем котле сварит свой борщ — для себя...

В этот день Войскового Праздника можно уже с точностью установить, что Казачество перестало — слушать и молчать; перешло к словам. Переходят к делу. Поздноато, правда. Но, начавшийся процесс собирания своих сил для достижения своих собственных целей не останавливается и не остановится.

Если эти цели и не совпадают с целями опекавших нас — помочь не можем. Ведь нас никогда не спрашивали о наших целях. Не находили к тому „данных“. А и как-бы, когда даже среди наших „бывших“ еще находятся такие, что все Казачество третируют как „пережиток“, деградировавшееся до общего уровня словесий. Но — нет правил без исключения. А подобные Санчо-Панчи, к счастью, редкое исключение. И пусть себе со своими Дон-Кихотами сражаются за воображаемому Дульцинею... Ибо, в действительности, существует все же „союз республик“. Пусть и большевицкой природы. Но процесс дифференциации в „республиках“ все-же идет. И собрать их во Едино, на принципе, желательном Дон-Кихотам — мертвое дело.

В этот день Войскового Праздника пусть Кубанцы не тешат себя никаким барином. Пусть не ожидают, что он все как-то устроит. Ибо никто нам ничего не устроит, если мы не устроим сами. А строить нужно теперь, сейчас-же. Всем Кубанцам, где-бы они ни были, нужно и должно теперь, сейчас же вступить в ряды тех...

... Кто у драній свитині

Волю Кубані кує і в чужині.

Тогда м. б. следующий наш Праздник уж застанет нас Вольными Казаками.

Оно, конечно, легче ожидать, что нам нашу судьбу, судьбу Казачества, устроит кто-то другой. Да ведь другой-то, без нас так нас устроит, что самих себя не узнаем.*

И пусть у нас на этот счет не будет никаких иллюзий.

В этот день Кубанского Войскового Праздника казаки не только должны вспоминать „чем были“, „что имели“ и „что дали“... Все это повторялось. Все это мы знаем. Не отрицают за нами этого и „такие авторитеты, как генерал Деникин“.*)

— Воля к борьбе — была (110.000 бойцов!).

— Доблесть казаков Кубанцам не изменила.**)

— Об общих, Российских, интересах в угоду своим не забывали.

*) Вольная Кубань“ № 49. 1/11. 1927.

**) „Очерки рус. смуты“ г. Деникина.

Шесть раз повторялось это на Войсковых Праздниках.

В 1927 году добавили робкий вопрос: а все-же... „как дошли мы до жизни такой“?..

И поскорее, под звуки лезгинки, сдали и вопрос и ответ на него — истории. А чтобы „почетные гости“ не расслышали вопроса, с бокалами в руках, закричали:

„За Великую, Могучую Россию,

За Доблестное Казачество“!

И — „Все, слава Богу!.. Все хорошо“!

Все разберет и все поставит на свое место — история...

Боже млі — чуда великого!.. Живыми лечь в архив, чтобы оттуда вытащила история!

Завидная перспектива!

А если к тому-ж история будет „отечественная“, какую мы дома учили, перспективы еще завиднее.

Нет. В этом году, в день Войскового Праздника, Кубанцы должны начать Праздник тем вопросом, который в 1927 году появился к концу. И который, скромкав, запрятали в мешок — историю.

Это и естественно: начать с того, чем в прошлом году кончили. Тогда говорили:

— Когда казаки „без разсуждения двинулись по Московской дороге к сердцу России, устлая своими телами территории далеко за пределами родного Края“... „нас обвиняли в „самостийности“... „те“ (обвинители В. К) или „сознательно лгали, или твердили по неведению“...*)

Теперь нужно и должно сказать: да, не только обвинители твердили свое по неведению, но и само Казачество устлало своими телами Московскую дорогу по неведению (своих интересов) тех, кто его на ту дорогу завел. Да, когда Кубанское Казачье Войско, самостийники, шли „по Московской дороге“ „без рассуждений“ за Единонеделимцами, устлая своими телами территории далеко за пределами родного Края — и есть та роковая ошибка, которая довела нас до „жизни такой“.

Еще раз устлать своими телами территории далеко за пределами родного Края — Кубанцы не намерены.

И — самостийность это, или нет: кому как угодно. Планетарный тост за бокалом вина нужно свести на Пределы Родного Края:

— За Вольное Казачество! За Свободную, Суверенную Кубань!

Об общих-же интересах будем говорить тогда, когда закрепим за собою свои интересы.

С тем поздравляем Войско Кубанское — Вольных Казаков с Войсковым праздником!

Тех, что томятся под игом красной Москвы и всех обретающихся в рассеянии. И зовем их словами нашего Кубанского поэта:

— Так з'єднаймося ж до купи

Міцною сім'єю

Та добудем собі волю

Кровню своюю.

*) „В. Праздник в Белграде“ „Воля. Кубань“ № 49. 1927 г.

С. Галданов.

Старая песня.

(По поводу брошюры В. Синеокова — „Казачество и его государственное значение“, Париж. 1928 г.)

Судьба не благоволила к Казачеству: оно не имело и не имеет еще объективно написанной истории, хотя его прошлое достойно пера лучшего исследователя. Отсутствием такой истории Казачества можно понять и объяснить, как в казачьей среде появляются историки, деятели вкравь и вкось толкующие историю и общественно-политическую природу Казачества, часто и настойчиво убеждая казачью массу, что лучшая ее доля — быть бичом в руках русского самодержавия, русского

централизма (безразлично — монархического, больше-кого или республиканско-демократического).

Подобной проповедью, по существу, занялась и вышедшая недавно в Париже брошюра г-на Синеокова: „Казачество и его государственное значение“, с предисловием ген. П. Н. Краснова.

Уже одно это предисловие достаточно говорит о направлении данной брошюры, ибо мы знаем как ген. Краснов стал смотреть на Казачество в эмиграции.

Автор предисловия пишет, что все, кроме него и его единомышленников, «преследовали не цели исторической правды, но узкие партийные цели, говорили о казаке с точки нужной им политике... Заграницей все стерлось, отшлифовалось временем и невежеством. Партийная обработка совдает героизму там, где его нет, из разрушителей делает героя»...

Герои — Разины, Булавины и др.

Не будем возражать против подобного «непартийного», «просвещенного» утверждения б. атамана Краснова, ибо мы знаем, как отнесился к Разину и его деятельности народ, видевший, не без основания, в нем своего защитника от угнетателей. Для народа имя Степана Разина было бессмертно, и он воспел его в сотнях песен, которые теперь поются по всему миру. Народ называет его «наш батюшка, Степанушка, младясын-сокол» и т. д., чего не заслужил еще ни один из «созидателей» казаков.

Какое впечатление произвела на Дону смерть «разбойника» С. Разина свидетельствует нам песня, любовно сложенная народом:

*Помешался весь Казачий Круг —
Атамана больше нет у нас,
Нет Степана Тимофеевича
По прозванию Стеньки Разина...*

Ген. Краснов пишет: «Дома — рассказы и песни стариков. Дома старые книги, история Войска, старые газеты и журналы, архивные дела. Справка точная, авторитетная и верная. Дома разрушителей казачьего благосостояния, потрясавших и Москву, в герои не запишешь»...

Верно. Но слова Краснова должны быть отнесены к нему самому, ибо все мы знаем, как он дома, видимо, по «точной», авторитетной, «первой» справке, выражая подлинное желание Казачества, в качестве выборного главы пятимиллионного народа, как равный с равным говорил с Германским императором; как защищая престиж избравшего его «пятимиллионного народа», настоял на том, чтобы в свое время представитель Англии сделал первый визит ему. Краснову, как избраннику народа; как затем, упрямно, он не признавал ни Деникина, ни Добровольческую армию. Видно, тогда «справка точная, авторитетная и верная» вынуждала Краснова действовать так, а теперь «прошло восемь лет с того рокового дня», как он лишился народных корней и «все стерлось, отшлифовалось временем» и... да здравствует Императорская Россия и казаки — бессловесные слуги царя!

Времена меняются, меняются и люди!

Краснов говорит, что брошюра Синеокова «указывает и причины образования казачьих войск по окраинам Русской земли... Она, извлекая ответ из более чем пятисотлетнего существования казаков в России, говорит о возможном их будущем, от них самих зависящем».

Но сама брошюра, к сожалению, на эти два кардинально важные вопроса (историческое происхождение и возможное будущее Казачества) никакого ответа не дает, или, вернее, ничего нового не сообщает. Все — старый гуд на новый лад. Вместе с тем, брошюра отличается двумя особенностями: бездоказательными категорическими утверждениями и противоречивыми.

Автор брошюры указывает, что Казачество «образовалось из русских людей, и что не только смешно, но и преступно (!? С. Р.) утверждать о какой-то особой донской народности или казачьей вообще».

И тут же пишет: «Происхождение Казачества также темно, как и происхождение самой Руси»...

Раз Казачество «образовалось из русских людей», то, казалось бы, происхождение его совсем не темно, а если происхождение «темно», как утверждает автор, то его первое утверждение произвольно.

... «Когда зародилось Донское войско, трудно установить. Известно только, что в Куликовской битве (1380) г. участвовали Донские казаки, а где они жили, — о том ничего не известно»...

А когда другие казаки на основании тщательного изучения исторических документов указывают это са-

мое, Синеокову неизвестное местожительство предков казаков, автор брошюры «научно» отвечает: смешно, преступно, ибо это не соответствует интересам «Державной России».

И выходит, что происхождение Казачества «темно», а те, которые пытаются разъяснить это «темное» место, — преступники. Своеобразная логика, тоже «научный» подход!?

Так одним словом «убить» самостийников, Синеоков кратко вещает: казаки — русские люди, плоть от плоти, кровь от крови русского народа и на этом основании он категорически не признает за казаками права на самостоятельную жизнь.

Но если даже допустить, что казаки суть исключительно выходцы из Великороссии, то является ли это основанием для отказа казакам в праве на самостоятельную жизнь? Ведь целостность и единство определяется не только общим происхождением, но также и укладом жизни, характером быта, общественным строем, политической формой бытия и т. д. и т. п.

А что эти черты совершенно отличны у великороссов и у казаков не отрицает и сам автор брошюры, который пишет: «Будучи вещью, мог ли крестьянин воспринять и укрепить в себе гражданские понятия о его долге перед обществом и государством. Мог ли он выработать в себе понятия о государстве, о гражданских доблестях и обязанностях? Конечно, нет». А Казачество, по мнению автора (с чем мы вполне согласны) всеми этими качествами несомненно обладает.

Автору должно быть известно, что теория о Казачестве, как о народе, отличном от великорусского и украинского, впервые выдумали не теперешние самостийники, а она существовала и раньше. Обосновывалась и доказывалась эта теория в различных специальных научных трудах. А раз существует научная теория, она остается теорией, пока научно же не будет отвергнута. Тут одними «изречениями» ничего не поделаешь.

«Объясняй» происхождение Казачества, Синеоков переходит к описанию всех действительно блестящих подвигов Казачества, говорит и о той «награде», которую получило Казачество за все свои подвиги от благодарного русского народа: «Слово казак стало синонимом грубости, наглости, жестокости, зверства... Когда наши народные представители получат власть, то казачий вопрос будет одним из первых, которым они займутся и разрешат его в смысле уничтожения этой военной касты»...

Дальше он пишет, что для русской общественности казак был — «какой то злодей, препятствующий развитию новой мысли. И эта общественность так прославляла и очерняла в печати казаков, что внесла в простую казачью душу сомнение, не являются ли они на самом деле палачами мысли»...

Славная аттестация!?

Между прочим, по утверждению г. Синеокова, Казачество существовало (м. б. и теперь существует? С. Г.) не только в пределах б. Российской Империи, но и по всему миру: и в Византийской Империи было Казачество, и в Венгрии, и в Северо-Американских Соединенных Штатах и т. д.

В своем старании доказать, как Москва любила и жаловала казаков, г. Синеоков договорился до того, что будто бы Казачество не имело своей территории. Казачьей кровью отвоєванная и казачьими жизнями отстаиваемая река Дон, якобы была пожалована казакам Москвой, и пишет: «Царь Иван Грозный в 1552 г. пожаловал реку Дон казакам за участие во взятии Казани»...

Нечего сказать, «щедрый» царь, жалующий то, чего сам не имел!

На этом основании Синеоков утверждает, что казаки всегда были в подчинении Москве, ибо «жаловать можно только тех, кто состоит на службе»...

Жаль, что автор в книге, претендующей на научность, оперирует сомнительного происхождения легендами о «пожаловании» Дона казакам. Ведь с таким же «основанием» Иоан Грозный мог бы пожаловать пожаловать Влтаву чехам. Но сами казаки понимали совершенно иначе и в старинной казачьей песне говорится:

Не сохами-то славная землюшка наша
распахана...
Распахана наша землюшка лошадиными
копытами,
А засеяна славная землюшка казацкими
головами,
Украшен-то наш Тихий Дон молодыми
вдовами,
Цветет наш батюшка Тихий Дон
сиротами,
Наполнена волна в тихом Дону отцовскими,
материнскими слезами...

Интересны некоторые категорические утверждения автора:

... «Казачество сохранило свою полную русскость, чего нет у высшего слоя русского общества, и разило и не раз проявляло гражданственность и здравую государственность, что видимо отсутствует (ибо находится в скрытом (?) состоянии) у 80% русского населения».

Значит, у высшего слоя русского общества нет русскости (по словам автора это качество убили у русских инородцы), нет ее также и у 80% русского населения. А где же, спрашивается, русский народ?

Оказывается, подлинно русским народом, сохранившим свою русскость, является только Казачество. И оно «как наиболее крепкий и стойкий элемент в государственном отношении с одной стороны, и в отношении русскости, именно русского духовного „я“ (вера, язык, обычаи, предания и проч.) с другой, должно стать носителем русской национальной идеи и повести за собой оба слоя нашего (т. е. русского, С. Г.) общества, вытеснив, как уже потерявший национализм, и низший, как еще его не вытеснивший в себе, и объединить, таким образом, собой русское общество».

Так определяет г. Синеоков будущую историческую миссию Казачества. А вот взгляд его на ближайшую практическую задачу Казачества.

Казачество „представит большую государственную ценность для центральной власти и станет на свой исторический путь служения родине с оружием в руках на полях битвы и внутри в борьбе с изменой и предательством. Если 500 тысяч фашистов и 600 тысяч большевиков достаточно, чтобы держать всю страну, то 2 миллиона казаков... смогут в случае надобности, поддержать порядок“...

Другими словами, Синеоков желает видеть казаков только в роли воспитателей и усмирителей „высшего слоя русского общества, потерявшего свою русскость“ и 80% русского крестьянства, не имеющего еще в себе этой русскости.

Только согласится ли само Казачество взвалить на свои плечи такую задачу? Примет ли и само русское общество подобную услугу казаков и не окрестит ли оно казаков еще каким-нибудь более „лестным“ эпитетом?

Брошюра Синеокова дает не мало сведений о подвигах казаков, об истинном отношении к ним русского общества, но выводы, которые сделает масса читателей казаков, в руки которой попадет эта брошюра, несомненно будут иными, чем у станичника Синеокова; эти выводы по всей справедливости и основательности будут идти против мнимо-научных, наивно-миссионерских, воспитательских и „усмирительских“ заключений брошюры Синеокова.

Довольно возмущать Казачество, пора ему раз и навсегда отбросить уместный и политический намордник, перестать быть усмирителями в утеху и удовольствие оцекунов народов б. Российской Империи.

Пора, наконец, Казачеству, вопреки всем усилиям его порабощателей, выйти на принадлежащий ему и единственно ему достойный, свободный, вольный, его волей творимый путь казачьего строительства, казачьей жизни!

Путь Вольного Казачества в союзе и сотрудничестве с вольными народами...

Кубань в большевицком зеркале.

IV.*)

«Казак и „городовики.“

Как то я сидел с местным человечком, который хорошо, как мне говорили, знает Кубань, и разговаривал про здешние дела... Не помню сейчас о чем я его спросил, только он ответил мне:

— А, знаете, часть иногородних и сейчас еще стоит за старые казачьи порядки.

— Богатые, наверно, — переспросил я недоверчиво.

— Нет, как раз беднота...

Я развел руками, ибо эти слова расходились со всем, что я успел услышать от других и прочесть в материалах про Кубань. А мой собеседник продолжал:

— Это понятно почему. Раньше батрак, иногородний, имел работу у казака а теперь казак сам работает. Вот он и сидит без работы и зубами цокает.

— Но позвольте ж, — иногородние получили землю или нет?

— Получили. Так что же из этого. Но они не умеют хозяйничать. А казак работает сейчас, как вол. Своего рода конкуренция, так бы сказать...

— Признаюсь, — сказал я, — что вы для меня новое открываете. Ну, а середняк?

— Средняк — иногородний, безусловно за советскую власть.

— А скажите, какое было правовое положение иногородних до революции?

Он на минуту задумался. Видно раздумывал: сказать ли мне или нет.

Тем более, что, кажется, его симпатии были на казачьей стороне. В конце концов, он сказал:

— По сути, иногородний не имел никаких прав. В общественных делах станицы, даже тогда, когда он был богатый, он никакого участия не принимал да и не имел права на это.

Про это даже смешным было бы и говорить. Иногородние, по сути, были какими то париями. Даже в казачьи школы иногда их детей не принимали и они вынуждены были строить свои.

Оно и понятно: полными правами могут пользоваться только граждане, которые несут все тяготы и обязанности, иногородние же их не несли и „натурализоваться“, приписавшись в казаки, не хотели, поэтому и терпели ограничения.

— Вот как, — протянул я. — Какая то низшая раса, что ли?

— Что то вроде этого, — неохотно согласился он.

— Землю покупать они не имели права. За усадьбу (по местному „план“) платили посаженную плату. Плата эта колебалась между 1—6 коп. за сажень.

Правда, перед революцией было течение между казаками, чтобы богатых иногородних принять в казаки. Сказать бы, они у нас долго живут, обжились. — Здорово не удержался я, — а бедные?

— Ну, что же бедные. С бедными бывало то, что с них иногда и за церковные требы брали дороже, чем с казаков. Было, так бы сказать, две таксы: одна, более дешевая, для казаков, другая, подороже, для иногородних.

— Почему же так?

— Но, знаете, казаки давали причту землю и много, иногда жалованье, а иногородние нет...

Землю иногородним можно было покупать только у дворян (остальная земля была войсковая — не про-

*). См. № 17—18 „В. К.“